

– КРЕАТИВ РАЗГОВОРНОГО ДИСКУРСА

В.К. Харченко

Лингвистика креатива, инициаторами и разработчиками которой стали ученые Екатеринбургской лингвистической школы во главе с профессором Т.А. Гридиной [Лингвистика креатива 2009], предполагает создание собственной теоретико-методологической базы, и отличающейся от стандартов традиционного описания экспрессивных средств языка, и вместе с тем парадоксально включающей эти стандарты. Под креативом разговорного дискурса справедливо понимают творческое начало, эвристичность, противостояние автоматизму, банальности, что свойственно далеко не только языку поэзии или, шире, художественному дискурсу, но в определённой мере свойственно и всем иным дискурсивным практикам, в том числе разговорной.

Материалом данного исследования является лично собранный, то есть услышанный и зафиксированный по горячим следам корпус высказываний и реплик диалогов в спонтанном речевом общении как единый, цельный и целостный, синтезированный объект, важный для исследования коллоквиального креатива. В этот корпус на равных правах входят...

речь мужская и женская: [На лестнице молодой папа и двухлетний сын. Ярик отцу]: Может, на ручка? – Ну ты конь здоровый – на ручках тебя таскать! Давай сам бегай! (30 августа 2010 г.). [Молодой человек приятелю]: *В кулинаришку зайдём...* (17 января 2011 г.). [Девушка лет 18 по сотовому телефону]: *Привет! А чего ты трубку не берёшь? А может, тебе английская королева звонит, а ты не берёшь!* (17 января 2011 г.);

речь старческая, срединновозрастная и молодёжная: [Женщина в СПб., сдающая комнату, лет 70]: *А я 25-е место обживаю. Цыгане столько не ездят, сколько я. Да и Лена (дочь)...*

(5 мая 2011 г.) [Женщина лет 35 в Кулинарии продавцу выпечки, шутливо:] *Мне пирожок с мясом. Мясо там есть?* (15 июня 2011 г.). [Молодой человек, лет 20, на пляже:] *Дюша! Давай захватим Олгыча...* (13 июня 2010 г.);

речь представителей различных профессий и различных социальных слоёв: [Работницы Зеленстроя красят бордюр:] *Марта! Давай чёрной – сюда, белой – сюда, потом вернёмся, давай, МартушОнок!* (6 мая 2010 г.). [Экскурсовод, лет 25-30, г. Казань, о не звучащем экспонате, фигуре динозавра:] *Этот тоже звучал, но его зазатрагивали* (14 мая 2011 г.). [Проводник, мужчина, лет 45:] *Постельки лежат* (на полке) (20 декабря 2009 г.). [Таможенник на вокзале своим подчинённым:] *Наблюдение! Пойдёте в 32-й вагон!* (21 августа 2010 г.). [Женщина -дворник на пляже:] *Она попросила метлу. Она говорит, чего вы типа не убираете?* (7 июля 2010 г.). [Охранник в вестибюле вуза о сигнализации:] *Срабатывает практически каждое утро. Уборщица открывает дверь – и пошёл! Когда успеваешь снять это несчастье, когда не успеваешь...* (13 апреля 2010 г.). [Водитель маршрутки по сотовому телефону о стоматологической поликлинике:] *Я? Я на Стомате стою!* (6 августа 2010 г.). [Бомж лет 50 девушке, закрывшей лицо:] *Человек добрый! Пожалуйста, денежку, если не жалко* (5 июля 2010 г.). [Профессор с упреком за формальную экспертизу рукописи:] *Вы бы хоть листанули!* (27 января 2011 г.)]

Разумеется, «всё» охватить невозможно. Мы были заведомо ограничены и собственной преподавательской профессией, и гендерными, и возрастными рамками, хотя пытались найти выход из всех этих ограничений, постоянно вслушиваясь в речь окружающих.

Разумеется, в перспективе «женский разговорный креатив» может исследоваться отдельно от мужского, «старческий» отдельно от «зрелого» или подросткового, а креатив той или иной профессии в разговорном её имидже вполне может претендовать на особое внимание со стороны лингвистов.

Разумеется, ещё одной темой на перспективу являются изменения в лингвистике креатива на протяжении пяти (десяти, пят-

надцати) лет фиксации. Разговорный дискурс мы исследовали на протяжении порядка десяти лет, но для данной работы решили сузить временные рамки до полутора-двух лет, тем более что все остальные водоразделы или рамки были смазаны или сняты.

Напрашивается вопрос по материалу: распространяется ли креатив на негатив? [Женщина-реализатор знакомой]: *Куда ты пошла Индала?* (20 января 2011 г.). [На улице женщина лет 30 ровеснице]: *Пошли! А то куда мы перепёрли!* (2 октября 2010 г.). Грубоватые интонации могут сочетаться с комизмом олицетворения, как в следующем диалоге: [Студентка подруге:] *Короче, я пыталась искать в Интернете, но у меня сдох телефон. То ли он вообще умер, то ли...* (25 ноября 2010 г.) [Студентка подругам:] *Короче, мы с друзьями, короче, отмечали Новый год. Родители, короче, ушли, мы – частушки, короче, стенка на стенку...* (18 июня 2010 г.). [Женщины в переполненном троллейбусе:] *Господи! По ногам, как по бульвару! – Ни сесть, ни присесть!* (20 сентября 2010 г.). Творческое отношение не может не охватывать ни грубости, ни сквернословия, ни хезитации (заполнения пауз), хотя эти феномены тяготеют как раз к автоматизму их использования. Здесь, однако, примешивается вопрос этики. Писать о «меткости», «экспрессии», «образности» слов, которых следует стыдиться, значит в какой-то мере поощрять их использование?

Ещё один вопрос по материалу связан с юмористической компонентой, пронизывающей, прошивающей многие высказывания. Полагаем, что теория языковой игры и теория креатива в их сопряжении требуют отдельного, особого рассмотрения [Гридина 1996]. Противоречия здесь нет, но оба вопроса (по негативу и юмору) обнажают весьма значимое методологическое зияние. При выстраивании теории, при защите концепции, представлении нового, смеем надеяться, понимания должен ли «весь» материал быть охвачен и должны ли «все», ранее авторитетные признаки-характеристики быть вписаны в новые теоретические каноны? Полагаем, что определённую свободу предпочтений можно сохранять, выявляя каждый раз всё то, что менее заметно, но не менее значимо.

Итак, исследованию подвергся блок реплик, относящихся к 2009-2011 годам наблюдения и отслеживания, который при всей своей пестроте «интересного» (от междометий до фразеологизмов, от словотворчества до цитации, от грамматической экспрессии до контаминации синтагм, от слов в функции хезитации до риторических вопросов и многоприставочных глаголов) позволил выделить три уровня исследования креатива разговорного дискурса: целеполагающий, инструментальный и признаковый.

На целеполагающем уровне выстраивается веер тех самых целей, которые обуславливают творческое отношение к речевому акту. Этот ансамбль целей можно обозначить своеобразным, рабочим символом, цифробуквенным знаком 7-П: позитивность, перцепция, прегнантность («беременность» образа, насыщенность видеоряда конкретикой), парадоксальность, полидискурсивность, пассионарность и прагматика.

Блок 7-П взят отнюдь не произвольно. Его составляющие знаменуют собой реакцию на стандартные, распространённые альтернативы.

Позитив, или положительность, речи как одна из целей разговорного креатива зарождается как интуитивный, не всегда даже осознаваемый протест речевому негативу: жаргонизмам, грубому просторечию, инвективам, коих немало встречается в разговорном дискурсе. Без позитива нет семьи, нет приемлемых взаимоотношений на производстве. Приведём внутрисемейные и производственные реплики, сказанные по сотовому телефону женщиной в поезде.

Сыночка? Нет, лап, ещё не поехали. Через 2-3 минуты, сынок. Ты сегодня отдыхаешь? Гуляли? Идёте с Алисочкой. Ну, до завтра. Чмокни Алисочку в макушечку. Спасибо за звонок. Юле привет. Ну что, давай, солнце моё! Ты тоже там аккуратненько. Не мёрзни. Не перемерзай. Целую.

Села. Хотела доложиться тебе. Ну, ясненько. Купаетесь. Ах, у вас уже вечер. Понятненько. Всё я сделала, набегалась, теперь отдыхать поеду. Особенно тридцатого. На корпора-

тивной вечеринке. Мне надо готовить на 60 человек (смеётся). Шеф сказал... (20 декабря 2009 г.).

Перцепция как проявление творческого начала в разговорном дискурсе связана с преодолением недооценки языка тела по сравнению с языком когнитивных и эмоций. Целью творческого использования языка в разговорной речи может стать повышенный интерес к перцепции, как в следующих примерах. [Женщина 55 лет, инженер по буровым установкам, своей свахе по дороге на дачу:] *Чувствуете, как запахло дубом? Я сразу Железнодорожк вспоминаю, там столько дубов было, и во время дождя такой запах стоял! Я там училась со второго по девятый класс...* (13 июня 2011 г.). [Жительница Санкт-Петербурга, 83 лет, вспоминает, как тётушка Акелина в Грузии лечила её в 1943 г. от туберкулёза:] *Тетя Лиана очень хорошо готовила. «Ты меня забудешь, но будешь помнить, чем я тебя кормила!»* (5 мая 2011 г.).

Прегнантность (насыщенность, картинность, яркость, «беременность» образа) противостоит выхолащиванию стандартных метафор, приевшихся сравнений, примелькавшихся эпитетов. [На совещании:] *Надо рыть землю. Мы рыли двумя копытами. Вот у меня был кобель. Я один раз видел, как он рыл землю четырьмя конечностями. У него были ёжики-враги. Он их хотел достать. Вы должны рыть землю всеми конечностями. Узнавать через Интернет, где вы можете себя проявить* (30 августа 2010 г.). [Сваха свахе по телефону:] *Такое сверкает кругом розово-жёлтое. Сейчас на юго-западе такая вертикальная молния. Вы себе не представляете. Это как шлюминация! По две, по три сразу!* (11 августа 2010 г.).

Парадоксальность как альтернатива логики, «примитива», как постулат свежести мысли направлена и на содержание, и на форму речи. С формой проще: та же метонимия воспринимается как утолнение требования парадоксальности в некоторых высказываниях. [Продавщица проходящей мимо прилавка начальнице, администратору:] *Шоколад не приезжал? – А я не заказывала вам* (15 августа 2010 г.). На парадоксальности может строиться разговорный фразеологизм. [Студентка студентке:] *А где*

ты краску поймала? (7 мая 2010 г.). [Во время экскурсии экскурсовод:] *Дети, когда в свободном полёте ходят, они нажимают на кнопки...* (14 мая 2011 г.). Парадоксальность дарует заряд экспрессии. [Сын матери по телефону перед отъездом:] *Я зайду к тебе в вещах, сам возьму что надо* (28 ноября 2010 г.).

Голод по «содержательной» парадоксальности впоследствии оборачивается эвристичностью. [Учёный секретарь дис. совета о том, что, сколько ни объясняй, соискатели в документации допускают ошибки:] *Для нас это сегодняшний вечный день. А для них это как свадьба, которая бывает у нормального человека один раз в жизни* (11 ноября 2010 г.). Примеры на эвристику парадокса приведены в конце статьи.

Полидискурсивность, то есть апелляция к наработкам других дискурсов (песенного и религиозного, художественного и официально-делового, публицистического и рекламного), яркая особенность нашего национального менталитета. Люди, оказавшиеся за рубежом и понимающие тот или иной иностранный язык, начинают чувствовать нехватку тех же литературных проекций-реминисценций. Полидискурсивность связана с литературоцентричностью нации, традиционным использованием готовых блоков для выражения чувств.

Приведём примеры из детских стихотворений, тюремного дискурса, названий радиопередач, военных команд, текстов песен. [Профессор-нанотехнолог пришёл на совещание с большим портфелем. Председатель аттестационной комиссии:] *Вот он! «С толстой сумкой на ремне. Это он, это он...»* (18 июня 2010 г.). [Ректор:] *Мы завоевали входной билет, но, если не выполним, «С вещами на выход!»*, есть возможность его потерять. *Через десять лет мы навечно будем НИУ* (30 августа 2010 г.). [Женщина-доцент на заседании кафедры о своём занятии:] *И некоторые расскажу фрагменты занятий, что называется, «Вести с полей»* (июнь 2009). [В вагоне учителя обсуждают экскурсию по музеям Казани:] *Они ж смотрят на меня, как я реагирую. Если я шиплю, и они недовольны (экскурсоводом). А я: рот заткни и шагом марш! Без реакции!* (14 мая 2011 г.). Особенно востребован сейчас песенный дискурс [Шу-

лежкова 2003]. [Разносчик чая-кофе на рынке, проходя мимо разновозрастных продавщиц:] *«Как много девушек хороших!»* (16 июня 2011 г.). [Председатель оргкомитета о не приехавших на международную конференцию:] *Но честно говорили, «со слезами на глазах», это по телефону было видно, что сожалеют, что не приехали* (7 сентября 2010 г.).

Пассионарность противостоит языковой вялости, апатии средств выражения мысли или чувства. Пассионарность – это вызов самому себе, аутовоздействие, например, через риторический вопрос. [Мать сыну 31 г.] *Ты успеваешь? – А какие у меня варианты?* (2 апреля 2011 г.). Понимаем так: даже если не успеваю – должен справиться с ситуацией, и справлюсь. [Ректор на Совете университета:] *Меня в том университете (за границей) спросили: почему у нас нет твоей монографии? Кто мы есть, если нас нигде нет? Мы живём стереотипами вчерашнего дня. Мы не знаем цены себе! А мы должны светиться, как звезда на небосклоне и все нас должны видеть. Мы должны быть прозрачными.* (28 марта 2011 г.).

Прагматика, то есть речевое воздействие на собеседника, не то чтобы чему-либо противостоит, но сама по себе нуждается в особой, отдельной языковой заботе. Креатив разговорной речи проявляется подчас в том, что аутовоздействие как проявление пассионарности сочетается с воздействием на собеседников. [Ректор на совещании:] *Что такое система селективного управления? Это самовыращивание своего опыта, приподнимание себя с той ступени, на которой сидишь* (30 августа 2010 г.).

Уровню ансамбля целеполаганий подчинён инструментальный уровень, то есть те самые техники владения словом, которые обеспечивают реализацию цели или целей: придать рельефность перцепции, подключить цитату (полидискурсивность), риторический вопрос (пассионарность), диминутив (позитивность), метафору (прегнантность образа).

Строго говоря, на целеполагающем уровне наблюдается наложение и взаимоиндукция целей, а на инструментальном – комплексное обслуживание одним средством сразу нескольких

целей, равно отвечающих творческому взаимодействию языковой личности с ситуацией общения. Подкрепим сказанное поликодовым разбором примеров.

[Аттестационная комиссия вуза, разговор об открытии кафедры в период объединения, укрупнения кафедр. Преподаватель:] *Но это будет не бутафорская кафедра!* (22 апреля 2011 г.). Прегнантность (образ театра с его бутафорией), пассионарность (личная ответственность), прагматизм (воздействие на начальство) – всё это выражено в одном слове-эпитете «бутафорский».

[Женщина, продавец зооуголка мальчику, трогаящему хомячков:] *Деточка, что ты делаешь? – Смотрю. – Руками?* (19 сентября 2010 г.). Зарождающийся фразеологизм «смотреть руками» демонстрирует креатив разговорного дискурса в следующем ансамбле целей: парадоксальность, перцептивность, прагматика.

[Покупательница средних лет о выпечке в форме конверта с начинкой:] *Мне грибы и сыр!* (14 июня 2011 г.). Свежий «разговорный» метонимический перенос (начинка – наименование выпечки) работает на усиление перцепции и прагматики высказывания.

[Руководитель вуза проводит совещание с председателями дис. советов:] *Мы должны быть лучшими из лучших. Мы на виду! Все фары направлены на нас* (27 мая 2011 г.). Выделенная метафора работает на креатив через такие характеристики высказывания, как позитив, пассионарность, прагматизм (воздействие на подчинённых).

[Разговор молоденьких продавщиц на рынке:] *Когда свадьба? – двадцать третьего. Надо бы похудеть, а мне не худеется. – Я скажу тебе рецепт* (5 июня 2011 г.). Внимание девушки привлёк рецепт, а наше внимание было сосредоточено на безличном глаголе, изобретённом для нужд текущего момента: «не худеется». Теоретически такое слово вполне могло быть в языке. Так разговорный дискурс работает на пространствах возможного, демонстрируя эффект парадоксальности. Получается, что креатив разговорного дискурса – это не только и не столько

весьма яркое и/или неожиданное слово (экспрессив), сколько решение нескольких задач талантливым словоупотреблением, расширением потенций языка.

Слово сказано! Креатив разговорного дискурса работает на пространство потенциального в языке. О необходимости исследования этого пространства пишет М.Н. Эпштейн. Фиксируя на протяжении многих лет детскую речь, мы, вслед за С.Н. Цейтлин, также выходили на проблематику потенциального [Цейтлин 2000]. В последние годы, используя метод подрядфиксации детских непопаданий в норму, наблюдая над речью двух братьев (разница в возрасте составляет 3 г. 1 м.), мы поневоле сравнивали детский и взрослый разговорный креатив. Приведём недавние записи детских отступлений от нормы и экспрессивов (Льву 8 л. 3 м., Жене 5 л. 2 м.).

12 июня 2011 г.

Лев в маршрутке на дачу: *Там мы едем (обычно) с сильной скоростью!*

Женя в маршрутке: *Когда мы в такой толщине (тесноте) едем...*

Лев о столбах, где сворачивать: *Ориентирные столбы...*

Женя на вишне: *Лёв, а я увидел немножко спелую ягоду!*

Лев о спиленных осенью ветвях вишни: *Ему будет лучше, этому дереву, когда оно освоится без веток жить!*

Лев: *Начали в городе появляться шмели с оранжевой попой. Такой красно-оранжевой...*

Женя об участке на даче: *Тут всегда сорняки! Я им колою всегда, особенно руками.*

Лев о куче спиленных осенью веток: *Только пока мы всю не спалим, не будем её раскидывать.*

Женя: *Баб, я тут об осот огородный уколИлся.*

Лев о ветках: *А это для опалЕНИЯ (сжигания)?*

Лев у бассейна: *Надо тираннозаврика как можно лучше испачкать.*

Вечером Лев по просьбе Жени учится варить овсянку, звонит мне: *Сейчас я убеждусь, что молоко есть. Объясняю, как ва-*

рить. Женя (слышно в телефон) Видишь, Лёв, чем баба Вера хорошая?

13 июня 2011 г.

Проехали по дороге в Таврово полосу дождя. Выходим, Лев: Тут дождя как ни в чём не бывало! (дважды сказал).

Проходим поле. Лев: Это кротовьи возвышенности.

Женя: У меня ещё сто терпений!

Назад в ожидании автобуса чем-то брызнули на женщину. Ругаем обоих. Женя про Льва: А зачем он меня уставал?

Разница с языком взрослых существенна и очевидна. Там целенаправленный, преднамеренный креатив, здесь же прелестная, причём вынужденная пластика использования возможностей языка, вынужденные сбои употребления слов (*возвышенность, сто терпений, опаление, как можно лучше испачкать*), придающие оригинальность речи и создающие непреднамеренный креативный эффект. Впрочем, креативный ли? Здесь ведь нет ничего из блока 7-П, поскольку нет ничего преднамеренного: нет позитива, прегнантности, перцепции...

Рассматривая детскую речь, мы получаем, таким образом, доказательство от противного. Креатив в детской речи надо выискивать, поджидать, из ковровых записей буквально выщипывать, собирая факты с яркой приметой: «шутит», «шутливо». Тогда обнаружится и позитив (*царская собака*), и полидискурсивность (цитата из песни), и прегнантность (*байбайкается*), и парадокс (*утролдень*), и перцепция (*карамель как мёд*).

Я: Как я рада, что ты пришёл! Здравствуй! Женя подхватывает: «Здравствуй! Здравствуй, парень мой родной!» (21 января 2011 г.). Лев: В будке у неё обогреватель. Вообще, царская собака (живёт по-царски)! (26 января 2011 г.). Я: Собаку что-то не слышно (на балконе). Лев шутливо: Байбайкается (спит). (28 января 2011 г.). [Лев болеет:] Ближе ко дню мне легче. – Как ты сказал! И не утро, и не день ещё (11 часов). – Сейчас же не полдень – утролдень! (28 января 2011 г.). [Женя о карамельках:] Когда ты их немножко долго прососёшь, то они будут похожи как мёд (15 июня 2011 г.).

Итак, детский материал подчеркнул, высветил, выявил ведущее условие-требование – требование преднамеренности креатива. Вернёмся к речи взрослых носителей языка. Креатив предполагает осознанную дань языковой форме, «роман с языком». Название известного романа В.И. Новикова несёт знаковые смыслы, превосходящие, как любой заголовок, содержание самого текста романа. И, как в каждом роде деятельности, в разговорном креативе есть свои талантливые языкотворцы, записывать монологи которых одно удовольствие.

[Преподаватель латыни, доцент университета, женщина под 50 лет о внуке:] *Говорит три слова: «ааака» (соковарка), «куг» (круг), «тантан» (фонтан). А я для него как радио. Должна тархтеть два часа, как лекцию читаю – тогда он наконец-то обратит внимание, что-то в лице появится, а вообще не коммуницирует со мной. Меня он совершенно не идентифицирует, папа и мама – это да, а я для него просто фон, грязь под ногами. Методичный – меры нет. Выходим из машины – сначала надо покормить уток, потом качели, потом к диораме играть в футбол – и ни в коем случае не менять места, потом кофебин, сок обязательно яблочно-морковный, потом посидеть на лавочке строго определённой, а если занята – надо решать проблему. А потом домой (20 апреля 2010 г.).*

Поэты языка требуют особого внимания со стороны лингвистов в век унифицированной и весьма однообразной, ожидаемой речи, однако мы бы не формулировали проблему исследования креатива разговорного дискурса, если бы этот феномен не был бы свойственен в той или иной степени буквально каждому носителю языка. Феномен языка как культуры мышления, поведения, самоидентификации говорящего препятствует стопроцентному использованию слова на автопилоте. Язык требует личного участия, освежения и обновления своих фондов, своих сокровищ. И здесь в пространстве средств, «инструментов» открывается широчайшее поле возможностей. Продемонстрируем это.

Звукоподражания (наидревнейшая часть речи). Креатив разговорного дискурса может проявиться, например, в использовании слова вместо действия. [Опоздавший студент, войдя в ауди-

торию, говорит:] *Тук-тук, можно войти?* (март 2010 г.). [Пятиклассник, возвращающийся с классом с экскурсии из Казани, несёт стакан кипятка и предупреждает сигналом машины:] *Би-ип! Би-ип!* (14 мая 2011 г.).

Междометия. Придумать свежие междометия непросто, но, придуманные, они эмоционально обогащают, освежают высказывания. [Советник ректора на комиссии спрашивает молодую преподавательницу из филиала:] *У нас заццицались?* – *Нет, в Санкт-Петербурге.* – *Уу-хаа!* (18 июня 2010 г.). [Женщина-оппонент, г. Москва, по телефону о написанной сложным языком докторской диссертации:] *Начиталась, а ты через дебри-бур-бур-бур – не проберёшься* (весна 2007 г.). [Руководитель вуза о диспансеризации:] *Лечение наступает когда? Когда брык на бок: инсульт и инфаркт!* (30 августа 2010 г.).

Числительные. Творительный образа действия, меры используется вместо наречия «втроем». [Председатель редакционно-издательского совета приветствует трёх соавторов книги:] *Тремями пришли?*

Прилагательные. [Женщина-реализатор на рынке:] *Покупайте черешню! Суперная! И для старых, и для деток* (9 июня 2011 г.). [В составе комплимента:] *Вы наичудеснейший человек!* (24 мая 2011 г.).

Наречия. [Студент медфака:] *Вы вездесуще образованны, ответьте, как вы относитесь к многоженству* (16 октября 2010 г.).

Глаголы. [Женщина-профессор на госэкзамене:] *Ещё кого дозвать?* (4 июня 2011 г.). «Позвать», «пригласить» было бы ожидаемо, но приставка ДО-, кстати, не самая ходовая в разговорной речи, повысила перцептивность, прегнантность и пассивность речевого акта. [Доцент, женщина, 50 лет, о похоронах матери:] *Мы столько выездили по такой жаре!* (11 августа 2010 г.). [Советник ректора профессору на комиссии:] *Что ж ты подхудел?* (18 июня 2010 г.). [Бабушка о внуке:] *Отдали корбку от стола, он всю исстриг* (1 марта 2011 г.). [Учёный секретарь совета о сонскателе:] *Я ему переобъяснила, где смотреть* (24 мая 2010 г.). [Женщина-профессор о защитившейся

аспирантке:] *Наташа моя нигде меня не понервировала* (9 апреля 2010 г.). [Студентка в маршрутке по сотовому телефону:] *Ну ты чего, полегла в больницу, нет? Тебе когда ставят? А по срокам когда? Ты хоть там эсмируй нам!* (13 сентября 2010 г.). [О женщине-декане, добившейся грантов:] *Он ей позволил эти поездки многочисленные, и она это дело прокупила! По два раза в неделю ездила с чемоданами, пять лет она туда возила. Она умная, знает языки, это кусок железа* (17 апреля 2010 г.). [Мама сына о руководительнице шахматного кружка:] *Она ж тоже заудивляется: чего ж ходили, а теперь нет* (12 мая 2010 г.). [Мать сыну:] *У вас же была флешка. – Да мы её уже заиспользовали* (29 мая 2011 г.).

Работая над книгой «Современная повседневная речь» [Харченко 2010], мы сравнивали приставочные инициативы современных писателей и рядовых носителей языка по каждой из 19 приставок. Совпадающих глаголов оказалось немного. Разговорный креатив стремится к созданию собственного пространства действия.

После рассмотрения креативного использования некоторых частей речи можно перейти к другим классификациям, рассмотреть, например, тропы и риторические фигуры, синонимы и проксонимы, трансформацию фразеологизмов и паремий. Список открыт. Говорящий относится к языку как к совокупности инструментов для передачи перцепции и позитива, прегнантности и парадоксальности, полидискурсивности и пассионарности, прагматической установки, не задумываясь над сложностью проблем, решаемых в мимолётных репликах спонтанного общения.

Проиллюстрируем, в частности:

– творческое обыгрывание вокатива: [Студентка подруге на костылях:] *Товарищ, вам помочь?* (31 мая 2010 г.). [На улице молодая мама останавливает дочку, решившую, что это магазин:] *ДочОк? Нет, доча, то ресторан!* (1 июня 2010 г.); [Продащица арбузов женщине 60 лет:] *Да где ж я найду поменьше, мой золотой?* (19 сентября 2010 г.);

– использование экзотизма: [В кулинарии:] Двести грамм чернослива, можно триста. *Я маман побАлую* (25 апреля 2010 г.);

– реминисценцию (известной статьи М. Горького): [Председатель дис.совета, г. Курск, восхищается ученым секретарем, обаятельной женщиной:] *«Матёрый человечиче!» давайте выпьем за эту глыбу!* (17 декабря 2010 г.);

– употребление литоты, сочетающейся в метафорикой: [Женщина-доцент по телефону о зубной пасте:] *Дорогая... Но ведь надо капелюшечку!* (17 января 2011 г.); [На совещании председателей дис. советов:] *Были такие: он в небе, он пишет обо всём, а кандидатская диссертация – это микрон, миллиметр изучения, и всё! А он наклепал такое, что ни в один совет не приткнёшь. Я его на землю опустил!* (27 мая 2011 г.);

– употребление эпитета: [Экскурсовод, г. Казань:] *Он собран в тысяча семьсот каком-то мохнатом году!* (14 мая 2011 г.).

Кстати, само слово «употребление» не самое удачное для понимания природы разговорного креатива. Употребляем мы «как бы» готовое, а здесь не столько употребляем, сколько создаём свои варианты использования того или иного приёма. Так, говорящие интуитивно чувствуют недостаточность фразеологического фонда и пытаются не столько трансформировать фразеологизмы, как это делают некоторые писатели, сколько создавать свои фразеологизмы, отличающиеся перцепцией, прегнантностью, парадоксальностью, как в следующем высказывании: [Мужчина лет 30:] *Да мы не найдём её! Я тебе сто пудов говорю: не найдём!* (28 декабря 2010 г.). «Сидеть мебелью» – тоже приближается к фразеологизму. [Профессор-женщина о заведующей:] *Это был театр одного актёра. И когда задавал вопросы, отвечала Ирина, а Валя сидела мебелью. А деньги с неба не падают, это она поняла. Она просто сидит, но в кассу она ходит. А вообще, надо просто любить (что делаешь). На подфаке им (иностранным студентам) мы должны уделять более большую любовь* (16 сентября 2010 г.).

Теперь проанализируем, что получается в итоге. Ансамбль целей и богатый инструментарий их реализации создают ан-

самбль свойств разговорного креатива, который можно зашифровать цифробуквенным обозначением 7-Э: экспрессию, эмоциональность, эквивинальность, эвристичность, эгоцентризм, этикетность, эффективность.

Экспрессия, или выразительность, в разъяснениях не нуждается. Это свойство лежит на поверхности и достаточно хорошо проанализировано в литературе по разговорному дискурсу. Ограничимся фактами грамматической экспрессии: [О ценке:] *Он выспался, а потом хорошо вывелся* (15 августа 2010 г.). [Женщина-профессор лаборантке:] *С наступающим! – Завтра поздравимся!* (31 августа 2010 г.).

Эмоциональность в нашем случае выступает как результат языкотворческих усилий по обслуживанию, улаживанию эмоций. [На пляже:] *Вон Жанна! <...> Жаннулик, ты уже выкупалась?* (10 августа 2010 г.). [Студентка по сотовому телефону:] *Алинчик пошла на физкультуру, а я пошла домой* (7 октября 2010 г.)

Эквивинальность – термин биологических наук, означающий, что мир движется не только от разнообразия к разнообразию, но также от разнообразия к единообразию, то есть разные усилия могут давать сходные результаты. В разговорной речи удачный креатив одного подхватывается окружающими и становится стандартом, общим местом. Сейчас никого не удивит, как 20 лет назад, если вместо *Молодец!* скажешь *Молоток!*, вместо *зарплата зряплата*. Стопроцентного творчества не бывает, кое-что выпадает в осадок, становится привычным, как стали привычными такие, некогда выразительнейшие слова: «подсуется», «шебуришить», «прикупить» и др.

Эвристичность разговорного креатива выступает как результат оригинального, афористического прочтения ситуации, помогающего преодолевать аналогичные ситуации. [Женщина лет 40 копошится у прилавка:] *Извините: задерживаю вас, как ишак, всего набрала! – Ничего. Зато за один раз. – А муж мне говорит: зато без головы!* (16 июня 2011 г.). Жалуюсь внуку, что устала. «*Это, баб, потому, что ты мало работаешь. Вот я не устаю. Я много работаю. Бегаю, например...*». Интересно, что

нечто подобное я записала и со слов знакомой женщины, профессора, тоже филолога: *Устайшь, а как что-то сделаешь – уже легче. Работа спасает...». Ещё один выразительный пример эвристики разговорной речи был зафиксирован на рынке. [Женщина-реализатор пьёт чай и говорит знакомой:] Я придерживаюсь принципа: если про тебя ходит сплетня, значит ты живёшь правильно! (31 октября 2010 г.). [На конференции:] Когда мы говорим «вопросы», то это и советы (по докладу), и предложения! (5 мая 2011 г.). [Женщина-профессор после возвращения из-за границы:] Они безумные оптимисты. Таких угнетённых, недовольных лиц, как в России, нет нигде. Они живут сегодняшним днём и стремятся получить удовольствие. А мы живём будущим – и ничему не рады (16 сентября 2010 г.). Интересные психологические открытия, отслеживая разговорную речь, можно услышать даже из уст школьников. [Возвращаясь с классом из Казани, два мальчика лежат на верхней полке. Мама одного из них:] Позовите Алину и поговорите. – Втроём не поговоришь! (14 мая 2011 г.).*

Эгоцентризм означает подчинённость речи сиюминутным интересам говорящего. Концепт «Я» весьма значим для разговорной речи. Эгоцентризм проявляется как формула самоподдержки. [Девушка лет 17 подруге:] У меня каждый раз везень! (20 июня 2010 г.). [Женщина-профессор, 69 л.:] У меня очень много своих планов. Маленьких. Но они мне дороги, эти мелочи! (1 сентября 2010 г.). Даже когда говорящий говорит о другом, он вольно или невольно ориентируется прежде всего на свои интересы. [Молодой человек на улице:] Если её подружка не выйдет... (22 декабря 2010 г.).

Этикетность как проявление вежливости по отношению к окружающим тоже выступает как свойство, результат разговорного креатива, признак, который отслеживается, нередко комментируется и насыщается новыми формами. [На рынке женщина-реализатор своей знакомой:] Нин, приветтики! (11 апреля 2010 г.). [Профессор на открытии конференции:] Ещё раз сердечное всем благодарение, кто, преодолевая время и пространство, приехал сюда! (7 сентября 2010 г.). [Лаборант

зав.кафедрой, чтобы не вешала трубку:] *Хорошо, схожу. Вы повисите пока?* (5 марта 2011 г.). [Хозяйка квартиры приезжей:] *Счастливо вам! Зелёную дорожку Вам до дому, до учёбы!* (5 мая 2011 г.). [На рынке реализатор-женщина, проходя, знакомой:] *Здоровья тебе и торговли!* (12 июня 2011 г.).

Эффективность как итоговый признак разговорного креатива не нуждается в пояснениях. Все цели и все средства задействованы постольку, поскольку они эффективны для нужд социума. Неэффективная речь отмирает или перестраивает свои каноны.

[Водитель:] *В Шебекино отправляется маршруточка! В Шебекино – последние места – отправляется! Шебекино – сразу едем* (20 июня 2010 г.). Устная «реклама-призыв» замечательно построена с позиций актуального членения: трижды запечатлевается маршрут (*Шебекино*), трижды обещано неожидание отправки (*отправляется, последние места, сразу едем*), введён позитив (*маршруточка*). Эффективность как минимум средств при максимуме смысла просматривается в творческом использовании приёма метонимии. [Покупательница молока на рынке:] *Мне одно утро, один вечер* (10 февраля 2011 г.).

Таким образом, креатив разговорного дискурса можно рассматривать не только на частных, причём весьма выразительных проявлениях творческого подхода к сиюминутному, но и в целом как весьма сложное, совершенное устройство речепорождения, включающее в себя целую систему целеполаганий, широту и оригинальность используемых языковых средств и ансамбль получаемых в итоге характеристик. Художественный дискурс текстозависим, подчинён созданию и обслуживанию текста, тогда как разговорный дискурс ситуативно зависим, что, однако, не делает его проще и примитивнее. Вычлняя те или иные признаки разговорного креатива, мы постарались продемонстрировать эту «цветущую сложность» будто бы простого обыденного общения.

Литература

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Лингвистика креатива: Коллективная монография /Отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2009.

Харченко В.К. Современная повседневная речь: Монография. – М.: 2010.

Цейтлин С.Н. Язык и ребёнок: Лингвистика детской речи. – М., 2000.

Шулежкова С.Г. Словарь крылатых слов из области искусства: более 1000 крылатых выражений. – М., 2003.

©Харченко В.К., 2012